

Накануне юбилея театра
под руководством Ю. А. Завадского

ШТРИХИ ЖИЗНИ

Я рос в маленьком приволжском городке в три тысячи жителей. Люди здесь, в появившем своем большинстве, не знали, что такое сценическое искусство. Любительские же спектакли имели весьма относительное сходство с настоящим театральным представлением. Как пример, и далеко не единственный, могу привести случай с исполнителем в одной из пьес роли охотника. Этот «артист», полержаный публичкой, вместо одного эпизода, описанного автором, привел все ему знакомые анекдоты из охотничьей жизни (сам он был тоже охотником) и тем занял в спектакле вместо полминуты до трех четвертей часа.

Мой дед, колхозник из соседнего села, с которым после двадцатипятилетней разлуки я в этом году встретился, спросил меня — по разным ли городам я езжу, разумея ярмарочные балаганы, или обосновался на одном месте. При этом он с явным удовольствием вспоминал виденного в далеком прошлом на Нижегородской ярмарке замечательного «кудетчика» в красной рубашке с балагайкой в руках.

В семье моего приятеля долго не знали, чему приписать перипетически возникшее у него, но неустойчивое увлечение домашними делами, пока не вскрылась истинная причина, рождавшая хозяйственный гнел.

Обязалось, что с периодом увлечения хозяйством совпала подготовка к любительскому спектаклю. А так как дома репетировать было делом предосудительным, то мой приятель с явно выраженным рвением, до слух пор не проявляемым, стал сидеть за водой, травками, на мельницу и в лесу готовил свои роли.

Моя семья была настроена к театру весьма благосклонной. Сломленный мной упорством, отец, провожая меня в Москву учиться, целуя на прощанье, робко спросил: «Может, все-таки раздумашь?».

Как сейчас, читаю выведенные старательными каракулями, не не очень извольнованные, строки неграмотного письма моей матери с поздравлениями «дорогому сыну» по поводу блестяще выдержанного конкурсного экзамена в театральную техникум. И помню, какой нескрываемой радостью было наполнено ее другое письмо, написанное год спустя, по поводу призывания меня в том же техникуме «профессионально непригодным». «Ну и слава богу!» — сказала она, трогательная в своей неизменной искренности.

Такое мнение об актерах и театре вообще сложилось не только у моей матери, но и без некоторых оснований и у многих других.

Полушпенское, полугородное существование актерской братии, прикрывшейся со своим общественным положением, накладывало довольно тяжелый отпечаток на значительную часть служащих Мельпомены, уткнувшихся из конца в конец необъятной Руси. Недаром в литературе прошлого не раз отмечалось горькое житье-бытье этой отверженной прослойки общества, которой боялись буфетчики, восклицая: «Убирай хлеб со столов, актеры идут».

Существовало и иное отношение к театру. Сцена считалась фактором чистого искусства, а актер — выполнявшим высочайшую миссию, исключавшую возможность

сочетания сценической деятельности с другой.

Однажды, играя Соболевского, красивого, элегантного, изощренного контраразведчика в офицерском чине, я понравился одной особе, которая стала искать знакомства со мной. В тот день, когда знакомство состоялось, я делал электропроводку у своего приятеля (работал по совместительству, студия тогда нас еще не обеспечивала) и был в рабочей спецовке. Когда же мой приятель в таком виде представлял меня этой особе, ее изумление было настолько велико, что, растерявшись, она могла лишь произнести: «Тех приятнее, что от рабочего стаяка». На этом знакомство наше и кончилось.

Приходилось слышать кое-кто, что во мне не видно ничего, особенного, что внешне и внутренне отличает поведение артиста от простых смертных. Я едва не согласился с этим. «Теория» отличия артиста от прочих людей находила в то время (1925 г.) некоторый отклик у самых молодых артистов, с которыми я встретился в техникуме. По счастью я не поддавался этой идеалистической ерунде. Я шел в театр с иными представлениями о нем, с иным, пусть не ясно выраженным, желанием. Оно было мне показано в книгах, встречами с людьми, глубоко понимавшими смысл театра, новыми общественными явлениями. Я хотел видеть театр в полном слиянии актера со зрительным залом, в раскрытии на сцене большой, животрепещущей темы. Позднее, под непосредственным влиянием Юрия Александровича Завадского, моего бесценного руководителя, я окончательно определил свое отношение к театру, укрепив в себе основное желание — сознательно строить его культуру.

Исключительная, повседневная забота партии и правительства о советском искусстве дала мне возможность найти свое маленькое место на гигантской площадке строительства социалистической культуры. Театр стал общегосударственным делом. На него возложена задача воспитывать людей нашей страны в духе коммунизма. Советскому актеру страна дала все. От него требуется сознательная и упорная работа над собой, чтобы достойно выполнять высокие требования, предъявляемые зрителем к театру.

Поднятый на такую невиданную высоту, советский театр стал любимцем народа. В этом залог его полнокровной жизни.

Как далеко ушел советский народ от пропитых уродливо-напаяных представлений о театре. Как бесконечно дороги слова благодарности рабочим, студентам и ученикам; перед которыми мы в дни подготовки празднования юбилея театра выступаем с отчетными концертами. Как радостно становится, когда слышишь слова зрителей: «После просмотренных хороших спектаклей и мы работаем лучше».

Это могут слышать только советские актеры, жуящие с паромом ногу в ногу и творящие для него. Если театр помогает лучше работать, успешнее строить социализм, может ли быть лучшей награда для меня, для моих товарищей по театру, для всего советского искусства!

Заслуженный артист РСФСР
Н. МОРДВИНОВ.

Творческий отчет театра

Во Дворце культуры завода Ростсельмаш состоялась встреча рабочих и служащих с артистами театра имени Максима Горького. С докладом о юбилее театра и его творческом пути выступил художественный

руководитель театра Ю. А. Завадский. В заключение артисты прочли ряд художественных произведений.

Ответственный редактор
М. СТРЕПУХОВ.